

Научная статья

УДК 82.09:821.161.1

DOI 10.17223/18137083/90/7

**«Почувствовать свое предназначенье»:
художественное творчество Г. Н. Кузнецовой**

Марина Альбертовна Хатямова

Томский государственный университет
Томск, Россия

khatyamovama@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4373-4461>

Аннотация

Анализируется художественное творчество Г. Н. Кузнецовой (поэтическая книга «Оливковый сад», сборник рассказов «Утро», роман «Пролог» и «Грасский дневник») в аспекте самоопределения в литературе русской эмиграции первой волны; делается вывод о том, что художественная система Г. Кузнецовой как автора второго ряда эклектична: как наследница логоцентризма русской классики и литературности Серебряного века, она, несомненно, находилась под сильным эстетическим влиянием Бунина (благодаря совпадению в главном – в представлении о мире как божественном космосе), но и принадлежала к своему поколению, с его другим опытом и потребностью в письме как способе самопознания, собирания личности и освобождения от пережитого, с интенцией к созданию из собственной жизни «человеческого документа».

Ключевые слова

литература младоэмигрантов, творчество Г. Кузнецовой, саморефлексия, литературность, «человеческий документ»

Для цитирования

Хатямова М. А. «Почувствовать свое предназначенье»: художественное творчество Г. Н. Кузнецовой // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 100–110. DOI 10.17223/18137083/90/7

**“To feel your destiny”:
artistic creativity of Galina Kuznetsova**

Marina A. Khatyamova

National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

khatyamovama@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4373-4461>

Abstract

The paper analyzes the artistic work of Galina Kuznetsova through the lens of self-determination within the early Russian émigré literature. The focus is on the poetic book “Olive Garden,” the collection of short stories “Morning,” the novel “Prologue,” and

© Хатямова М. А., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 100–110

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 100–110

“Grassky Diary.” The artistic system of Galina Kuznetsova, the author of the second row, is determined to be eclectic. Her literary heritage, rooted in the logocentrism of Russian classics and Silver Age literature, reveals a significant aesthetic influence from Bunin, particularly regarding their shared worldview – a perception of reality as a divine cosmos. Also, she was a product of her generation, marked by unique experiences and a consequent need for self-expressive writing to forge her identity and liberate her from past experiences, thereby creating a “human document” from her own life. The artistic works (poems, stories, and novel) and the “Grasse Diary” of Galina Kuznetsova formed a single text of self-definition. There, the author constructed the constants of the self-identification plot, as opposed to the plot of the self-identification crisis of the representatives of the “Paris note”: nature as cosmos, divine beauty, love and creativity, and art. The “Grasse Diary,” a compilation of chosen diary entries, constitutes the definitive work of self-reflection, distinct from autobiography or memoir. This project functions as a monument created by the author in honor of Ivan Bunin.

Keywords

literature of young immigrants, creativity of G. Kuznetsova, self-reflection, “human document”

For citation

Khatyamova M. A. “To feel your destiny”: artistic creativity of Galina Kuznetsova. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 100–110. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/7

Осмысление художественного творчества Галины Николаевны Кузнецовой (1900–1976) находится в самом начале пути. Современные писательнице критики разделились в оценке ее творчества: одни говорили о несамостоятельности и сильном влиянии Бунина (Н. Андреев, Л. Червинская), другие (среди которых, заметим, были ведущие критики эмиграции – Г. Адамович, В. Ходасевич, М. Цетлин) отмечали особую гармонию ее неповторимого – «низкого, печального и задумчивого» (Ф. Степун) – лирического голоса¹. Двойственность восприятия сохраняется и по сей день: немногочисленные исследователи ее творчества (О. Демидова [2007], М. Михайлова [2016], Е. Анненкова [2020], польские литературоведы И. Бжыкцы [2018; 2019] и П. Витчак [2019]; а также А. Беляева [2016] и Ван Инь [2018], написавшие кандидатские диссертации соответственно о поэтике прозы и «Грасском дневнике» Г. Н. Кузнецовой) возражают против инерции видеть в Кузнецовой только слабую тень и мемуаристку Бунина («ведомую», «Лауру», «музу»), говорят о проблеме становления личности в ее художественном творчестве и наличии поколенческой тематики эмигрантских «детей», даже о близости «заветам Г. Адамовича» и «парижской ноте». В данной статье также предпринимается попытка развенчать довольно устойчивые штампы в восприятии творчества Г. Н. Кузнецовой.

Очевидно, что принадлежность к поколению эмигрантских «детей» и одновременно близость к Бунину, «солнцу» эмигрантской литературы (как назвал его И. Фондаминский в разговоре с Г. Кузнецовой), поставили перед начинающей писательницей проблему личной и поколенческой самоидентификации наиболее остро (сопоставимым оказался разве что опыт Нины Берберовой, но человека другого склада). В этой связи важным представляется исследование сюжета самоопределения молодого автора в пространстве литературы первой волны, наиболее интенсивного ее творческого периода; поэтому остановимся на основных ее про-

---

¹ См. об этом: [Мельников, 1997].

изведениях – поэтическом сборнике «Оливковый сад» (1937), книге рассказов «Утро» (1930) и романе «Пролог» (1933).

Все стихи Г. Кузнецовой до сих пор не собраны, в 1937 г. она выпустила лишь одну книгу – «Оливковый сад», куда вошли стихотворения 1923–1929 гг. Книга имеет строго продуманную композицию: состоит из 2 неравных по объему частей (в I части – 12 более ранних стихотворений, во II – 50) и открывается стихотворением 1937 г., дедуктивно задающим амбивалентную по своей семантике биографически-поэтически-культурную тему Сада: с одной стороны, связанную с изгнанием, потерей, эмиграцией, с другой (оливковый – «древо жизни») – с победой над судьбой, с плодородием, долголетием и духовным очищением. «Биографический» оливковый сад становится свидетелем грасского существования и единственным собеседником лирической героини в счастливый и драматичный период ее жизни: «Сад принял слез младенческий поток, / Благославил своею чашей чистой, / Послав щекам чуть слышный холодок / Целебной свежести на лентах травянистых» [Кузнецова, 1995, с. 357]².

Художественное время (от счастливого «лета любви» – к осени, «зрелости чувств» – через «зиму» потерь и разочарований – к новой весне повзрослевшей героини) довершает семантику хронотопа сада – переживания любви, судьбы и обретения творчества как надежды на спасение.

Стихотворения первой части проникнуты острым чувством потери родины, Киева («города дальнего детства»), фиксируют встречу с иным берегом – турецким востоком, с темой смерти, но и вечности (в стихотворении «Турецкое кладбище» «поет о вечной жизни душа»). В них идет поиск своих тем, языка, сильно влияние Анненского, Ахматовой (что было характерно для женской эмигрантской поэзии в целом), Цветаевой, Пушкина. Присутствует и неотрадиционалистская вещьность, предметность, стремление передать переживания через реалии внешнего мира, и бунинская способность вписать субъективные ощущения в природный космос («Благодарю тебя, природа, / За все, чему названья нет. / За все, что дышит, светит, манит, / Томит тревожною тщетой, / Все, что сиять не перестанет, / Когда я стану пустотой» (с. 362)). Стилистически ощутимо подражание Ахматовой (в стихотворениях «И я жила, за днем встречая день», «Русь», «Осенняя муза»), структурно же – Анненскому, с выводом-сентенцией в финале лирического описания и конкретными реминисценциями из его стихотворений. Уже в ранних стихах Кузнецовой начинается осмысление своего дара, поэтического голоса как негромкого и «смирненного», т. е. традиционного: «Мне – правнучке упрямого Дедала – / Отмерена смиренная земля» (с. 359) («Почувствовать свое предназначенье»).

Вторая часть книги открывается самым известным стихотворением Г. Кузнецовой – «Оставить в мире память о себе», начинающем разговор о земном предназначении, о разгадывании «узора» судьбы, любви и творчества. Лирический сюжет движется от прощания с прошлым к переживанию драматизма любви, вначале «летней» – счастливой, страстной, пленяющей человека, затем исполненной потерь и страданий и, наконец, к осмыслению своей судьбы, творчества, пути, природы / мира, в котором человек существует, т. е. к становлению философской лирики. Стихотворения выстраиваются в форме лирического (любовного) дневника, в котором легко вычитываются и конкретно-биографические реалии, однако

---

² Далее при ссылке на это издание в круглых скобках указывается номер страницы.

отдельные страницы этого дневника выстроены по законам неотрадиционалистской поэтики Анненского и Ахматовой.

На горной дымке, смутно-голубой,
Узор ветвей раскинутых и снежных...
Все, все, что мне даровано тобой,
Я сохрани в сокровищнице нежной.
Меня ничто не мучает, не жжет
Под взглядом глаз твоих орлино-зорких...
Так пчелы собирают сладкий мед
С иных цветов, губительных и горьких
(с. 364).

Кузнецова олитературивает дневниковую форму; ее поэтический дневник балансирует между «человеческим документом» («по заданию» литературы младших) и металитературной формой Серебряного века – Бунина, Ходасевича («по исполнению»), «заряжая» стихотворения о любви молодого автора целым шлейфом образов русской лирики предшествующей эпохи. Любовь и осознается лирической героиней как вход в вечный храм культуры, творчества, без которого существование невысказано, поэтому любящая душа «в муках вырастает».

Стихотворения Кузнецовой получают смысловую объем благодаря ценной поэтике: конкретным отсылкам к поэтическим образам, воспроизведению композиции, интонации, мелодики стиха предшественников. Например, в стихотворении «Чем так пленяет мрачный мыс» не только сравнение маяка с аметистом, огней в заливе – с «хрустально-золотым венком», но и форма риторических вопросов, а также финал-вывод многократно отсылают к лирической системе Анненского.

Однако постепенно появляются свои, неповторимые интонация и музыкальность, исчезает ученическая ориентация на образцы и излишняя аллюзивность. Пережитая драма любви, воплощенная в хронотопе осеннего сада, отмечает начало зрелости души героини, осознающей включенность своей судьбы в постоянно меняющееся мироздание: «Сердце ль стало старше, / Душа ль трезвее от суровых мыслей, / Но сумрачней, спокойней и мудрей / Смотрю на мир, сияющий, прекрасный, / Бесмысленный, как песня соловья...» (с. 376) (см. стихотворения «Печальным звуком колокол звонит», «Настали дни холодные», «Пусть все изменит, все пройдет»). И созерцание сада в снегу дарует чудо обновления, вдруг «светло и странно» «вспыхнувшее» в героине.

Природа – не окружающий пейзаж, а космос, вмещающий в себя человека и властно подчиняющий его бытие своим вечным ритмам (в этом Кузнецова близка к своему наставнику – Бунину). Не случайно почти все стихотворения Кузнецовой строятся по одной и той же лирической модели: природная зарисовка «перетекает» в изображение переживаний героини. Может быть и наоборот – природа сонастроена переживаниям субъекта: «Все проходит – пройдут и мои неутешные ночи. / Вот опять на горах розовеет и рдеет миндаль, / Дует сладостный ветер в мои воспаленные очи, / И волшебной дорогой внизу простирается даль» (с. 382) («Я давно ни о чем не прошу...»). Лирическая героиня испытывает «сладостное волнение» «рождения мучительного звуков» именно с приходом теплого ветра весны («Опять на взгорьях тонкая трава»). Перед исцеляющей природой героиня испытывает чувство вины за то, что только она «безутешно» смущает «счастливую землю». Однако именно гармония природы – «неземная тишина» –

и дает возможность принять наступившее одиночество не как личную драму, а как необходимое для творческого человека состояние: «Стучало сердце... Я была одна» (с. 382).

Поэтическая книга «Оливковый сад» балансирует на границе двух, казалось бы, взаимоисключающих, эстетических концепций: любовный дневник постепенно трансформируется в философское осмысление собственного пути, творчества, любви и смерти, начала и конца человеческой жизни, природы и мира цивилизации. Лирический сюжет, пронизанный мифологемой оливы (символа долголетия, очищения, мира между человеком и богом, победы над собой, смирения, душевного и духовного здоровья), встраивает поколенческий «человеческий документ» Кузнецовой в мощную культурную и поэтическую традицию Серебряного века и творчества И. А. Бунина, становясь мостом между поколениями литературных «отцов» и «детей» эмиграции.

Книга малой прозы «Утро» [Кузнецова, 2007, с. 25–196] (куда вошли не все рассказы конца 1920-х гг., что важно, а только отвечающие замыслу автора) выстроена в логике «изживания воспоминаний». Несмотря на фикциональность (представлены разные героини, а в последнем рассказе центральный герой – мужчина), это автопсихологическая проза. Главное в ней – не автобиографическое совпадение событий с обстоятельствами судьбы биографического автора, а освобождение от тяжелого прошлого – испытаний гражданской войны, бегства из страны, эвакуации, одинокой жизни на чужбине. Наррация 4-х рассказов организована в технике «я-повествования», остальных – из фокуса сознания близкого автору героя. Композиция, расположение рассказов обнажает логику сюжета книги: от предчувствия испытаний и потерь, осознания связи любви со смертью в начале (в первом, одноименном рассказе «Утро») – через проживание трагедии исхода и близости смерти в рассказах «Кунак», «В пути», «Номер сорок три», «Последняя повесть» (однако здесь же присутствует и стремление найти опору в красоте, природе, любви, добре – «Бахчисарай», «Олесь», «Дом на горе»; в новых отношениях с мужчиной, так возникает мелодраматический сюжет Золушки в рассказах «Синие горы», «Золотой рог») – к воскресению души для новой жизни (рассказ «Осень», в котором переживший тяжелую потерю одинокий Колосов после посещения семьи своего знакомого вдруг чувствует себя под звездным небом, среди ночных деревьев живым, способным жить дальше).

Выход весной 1933 г. романа «Пролог» [Кузнецова, 2007, с. 197–325], который был завершён ещё в декабре 1931 г., переживался писательницей сильнее, чем более ранняя публикация сборника рассказов «Утро». Именно с романом, который писался параллельно «Жизни Арсеньева», связывалась потребность автора в итоговом высказывании, о чем свидетельствует запись в «Грасском дневнике» от 20 мая 1933 г.: «Резюмируя, все-таки должна сказать, что с книгой поступила правильно. Её нужно было издать *для собственного моего* (курсив автора. – М. Х.) какого-то душевного завершения. Она как бы развязала мне в чём-то руки» (с. 276). Рецензии на книгу в эмигрантской периодике оставили Г. Адамович, П. Бицилли, В. Ходасевич, и каждая глубоко волнует Кузнецову (останется в дневнике): «еще не роман, а пролог к роману, вступление к рассказу о женской жизни» (Г. Адамович), «вымышленная автобиография» – «труднейшая и совершеннейшая форма романа» (В. Ходасевич). Ходасевич сравнивает «Пролог» с «Жизнью Арсеньева», написанной в форме «воображаемой автобиографии», к которой писатель пришел, в отличие от своей ученицы, в результате долгого писательского опыта. В этом смысле ученица значительно уступает Бунину, поскольку «её слово ещё не имеет

той зрелости <...> той внутренней мощи, которая заменяет у Бунина мощь фавулы и служит основой и оправданием всего романа» [Ходасевич, 1933, с. 3]. «Обновлением формы автобиографического романа» называет «Пролог» и П. Бицилли [1933, с. 453].

Несмотря на то что современные исследователи по-разному стремятся эмансипировать роман Кузнецовой от бунинского (О. Демидова отмечает гендерный и поколенческие аспекты: «Женский опыт, описанный женским пером» [Демидова, 2007, с. 14]; Н. Мельников пишет об оригинальности раскрытия «“прустианских” тем» («любовное воссоздание трудноуловимого единства жизни»), которые растворяются «в безудержной стихии животворящего, жизнеутверждающего женского начала, не замутненного дряблой рефлексией и рассудочностью, проникнутого светлым чувством любви и благостного доверия к миру» [Мельников, 1997, с. 226]; П. Витчак предлагает рассматривать «Пролог» как роман инициации, в котором на первый план выдвигается духовное, эмоциональное взросление героини [Witczak, 2018, с. 647]), – всё же шлейф автобиографического романа «Памяти» не дает возможности обозначить своеобразную жанровую доминанту романа Г. Кузнецовой, а она, на наш взгляд, другая.

Роман «Пролог» только в самом общем виде ориентирован на «Жизнь Арсеньева» (реалистический дискурс, лирическая организация повествования, описательность, сосредоточенное погружение в детство – юность – молодость). Однако отсутствие в произведении Кузнецовой сюжета творчества, становления писателя (Ксения, несомненно обладающая способностью переживать красоту мира, природы, в гимназии мечтает стать актрисой) значимо и указывает на его другую, не бунинскую (сохранение от небытия, воскрешение утраченного – в Памяти) эстетическую установку, а «экзистенциально-психотерапевтическую». Об этом свидетельствует и медитативная сосредоточенность на изображении сложных, драматических обстоятельств жизни семьи (развод родителей, героиня растет у дедов), взаимонепонимание с матерью, отчужденность в гимназии, брак с оказавшимся неблизким человеком, т. е. отсутствует и тема «потерянного рая». Роман отличает дробность, фрагментарность наррации (4 главы, соответствующие изображению детства, отрочества, юности и молодости – замужеству, внутри делятся на подглавки – от 6 до 15 – завершенные лирические звенья, в которых запечатлены памятные, чаще всего кризисные или переломные моменты внутренней судьбы героини), стилистическая неоднородность: поэтизация, лиризация дорогих сердцу воспоминаний (о бабушке, прогулках с дедом, ранней юности, красоте Печерска и родной природы) и сухая протокольность в описании тяжелых переживаний, связанных со вторым браком матери, фигурой отчима, непостоянством отца, перипетиями в личной жизни подруги Зины, драматическим осознанием, что ее собственное замужество является ошибкой.

Переживание опыта автора в повествовании о судьбе вымышленного героя (Ксенин, Ксаны), т. е. в сюжете романа, документальная основа, дневниковость, тематизация воспоминания как процесса самопознания, – сообщают роману Кузнецовой автопсихологическую основу [Гинзбург, 1977, с. 269–442]. Кроме того, внутренняя художественная логика небольших главок романа имеет лирическую организацию: в них воспроизводятся не сами по себе обстоятельства жизни биографического автора (и его альтер эго – героини с вымышленным именем Ксана), а скорее психологическое и поэтологическое осмысление этого сырого, ничем не примечательного, жизненного материала. Важно здесь, что личностная авторефлексия (детская, затем юношеская, женская) трансформируется в поколенче-

скую, становясь еще одним «человеческим документом» «незамеченного поколения». Не случайно ранние стихи Г. Кузнецовой (1-я часть из книги стихов «Оливковый сад») воспринимаются как стихи из романа, образуют единый с романом лирико-психологический сюжет. Автопсихологический заряд имеют и рассказы из сборника «Утро», написанные раньше, но повествующие о следующем этапе жизни условной героини Г. Кузнецовой на пути и уже в эмиграции.

Для автопсихологического высказывания важны претекстовые структуры: название, предисловие, композиционное разделение частей. Название «Пролог» символично: пролог жизни и пролог творчества, покинутая Россия, которая не отпускает, а пора уже переходить от пролога к самой жизни... Функции своеобразного предисловия выполнит позднее «Грасский дневник», ставший комментарием и к истории создания романа, и к его восприятию критикой, а также к оценкам этих отзывов самим автором. Финальная фраза романа ставит точку, окончательно завершает сюжет переживания и освобождения от прошлого: «Я одна стояла у окна <...> Нерешительно, точно колеблясь, раздумывая, не вернуться ли ему назад, отходило мое прошлое» [Кузнецова, 2007, с. 325].

Во второй половине жизни Г. Н. Кузнецова совсем перестает писать стихи, ее отдельные прозаические произведения имеют мемуарно-документальное основание и посвящены Бунину и литературному окружению («Друзья», «Художник», «На вершине холма»). Поэтому именно дневник как главная форма самопознания станет итоговым произведением, в котором автор обозначит константы сюжета самоидентификации.

В составленном автором более чем через четверть века из реальных дневников «Грасском дневнике» обнаруживается синтез поэтического и эстетического подходов, хотя сам жанр дневника как фиксатора повседневного жизненного потока, казалось бы, и не требует этого. Исследователи писали о его мемуарной и авторефлексивной природе [Демидова, 2017; Ван Инь, 2018]. В последней работе было замечено, что на становление молодой писательницы оказывали влияние не только Бунин, но и гости виллы Бельведер. Однако важно обратить внимание на модус этих мемуарных вкраплений: автор изображает в первую очередь творческое поведение именитых гостей (Б. Зайцева, И. Фондаминского, М. Алданова, Д. Мережковского и З. Гиппиус, В. Ходсевича и др.); передает (записанные в свое время в дневнике) разговоры о чтении, событиях литературной жизни, эстетических представлениях, оценках, мнениях и т. п. Поэтому жизненно-бытовые реалии редуцированы, так как задача автора – дать эстетический срез эмигрантской жизни и близкого к Бунину круга; не только оставить в памяти потомков сложного, противоречивого, эксцентричного Бунина-человека, но, главным образом, выдающегося писателя, во многом опережающего свое время, а потому одинокого, творчески расходящегося со своей (модернистской) эпохой. В этом контексте может быть переосмыслен и фактор «умолчаний», касающихся взаимоотношений с Буниным и домочадцами Бельведера: для Кузнецовой сюжет личных отношений становится избыточным, ибо не об этом ее итоговая книга³. Источник личной

---

³ В опубликованной недавно переписке Г. Кузнецовой с Н. Берберовой последняя после выхода «Грасского дневника» недоумевает, почему Кузнецова ничего не пишет о личной жизни обитателей Грасса («...Вы ничего не говорите о самом главном – отвергаете цепь причин и следствий, не распутываете никаких узлов»), и цитирует любимого Кузнецовой Мориака: «Только то, что есть самого тайного для человека, может по-настоящему тронуть другого». На что Кузнецова отвечает: «...Говорить о том, что вы называете “тайным” не нужно, для меня не нужно в этом дневнике. Для кого, зачем? Для обывателя? Тонкий

любовной драмы ей видится, в том числе, и в проблеме поколений: «...Нельзя всю жизнь чувствовать себя младшим, нельзя быть среди людей, у которых другой опыт, другие потребности в силу возраста...» (запись от 25.06.1930) (с. 147).

Сюжет поколений будет семантически разветвляться в книге Кузнецовой в разных направлениях: от размышлений об изменившихся ценностях и образе жизни ее ровесников (общественная работа и «народ» перестали их волновать)⁴ до не совпадающих представлений о творчестве и оценок появляющихся авторов и произведений, особенно европейских. Причем ее собственное понимание необходимости эмансипации от старших подкрепляется и их высказываниями на эту тему (И. И. Фондаминского⁵, Веры Николаевны⁶). Однако она вполне разделяет со своим учителем представление о продуктивности дневника как формы, способной схватить саму жизнь, цитирует Бунина на эту тему, а позже сделает свой дневник универсальным метатекстом. Не писавшийся параллельно «Жизни Арсеньева» ее роман «Пролог», а «Грасский дневник» (помимо очень важных культуросохраняющей и авторефлексивной задач) станет книгой о рождении писателя – на фоне «музеефикации» гения, непререкаемого образца творчества и творческого поведения. Поэтому Кузнецова собирает его из своих реальных дневников по эстетическим законам Серебряного века, исповедуемым и Буниным, – «творчество прежде всего». Это тем более неожиданно, что по сравнению с Н. Берберовой и И. Одоевцевой Кузнецова почти уйдет из литературы и вторую половину жизни будет заниматься журналистикой и переводами. Возможно, потому и уйдет, что функцию инструмента самопознания ее письмо выполнило, а уровень задания, идущего от Бунина, был слишком высок. Может быть, и из-за несовпадения с эстетическими исканиями своего поколения (оказалась между литературоцентричными Набоковым и Газдановым, с одной стороны, и пишущими «человеческий документ» монпарнасцами, с другой). Не случайно Лидии Червин-

---

человек и сам почувствует, а об остальных я не особенно забочусь» [Нина Берберова... 2022, с. 194–197].

⁴ См. запись от 11 июля 1929 г.: «Вчера В. Н. опять ездила к Гиппиус. А мы работали. Написана новая очень интересная глава: вхождение молодого Арсеньева в революционную среду и описание этой среды, блестяще-беспощадное. С этих пор “Жизнь Арсеньева”, собственно перестает быть романом одной жизни, “интимной” повестью и делается картиной жизни России вообще, расширяется до пределов картины национальной. За завтраком И. А. прочел нам эту главу вслух. Мы говорили о том, что скажет Вишняк и даже Илюша. Во всяком случае, это блестяще и во многом вполне верно. Замечательно как изменились с тех пор русские люди. Наше поколение (вспоминаю Киев, войну, университет в Праге) занималось другим. Конечно, пелись еще при случае те же песни, но неуверенно и вообще потерявши для нас всякий прежний смысл. А в Праге уже больше занимались спортом да учением, если не романами. О “народе” никто никогда не думал и “революционной среды” никакой не было. Мне все больше хочется написать роман нашего поколения» (с. 116).

⁵ Разговор с И. И. Фондаминским передается в записи от 30 мая 1929 г.: «Ведь это подумать страшно – такой слабый мотылек в огромном чужом мире! <...> Конечно, И. А. не хочет вашей самостоятельности. Он как солнце, а разве солнце переносит еще какой-нибудь свет? Но вы должны думать о себе и помнить, что, когда у вас будет независимость, вся ваша психика изменится, и вы найдете в себе смелость, которой в вас пока нет, и найдете тему, которой пока не можете найти. У вас прекрасный талант – вы должны развивать его» (с. 107).

⁶ См. запись от 8 января 1930 г.: «В. Н. вчера сидела со мной в темноте, при горячей печке, и говорила, что очень рада. Что у нас живет З., что он внес в дом оживление, молодость и влияет на меня в этом смысле, а то я чересчур поддаюсь влиянию И. А., живу вредно для себя, не по летам» (с. 127).

ской ее проза напомнила «что-то знакомо-хорошее, что-то обще-русское в литературе» – писательскую манеру Тургенева, Чехова, Бунина, а именно – близость к традиции русской лирической прозы (способность «рисовать стихами», по ее словам): «Чувствую, что избрала себе самый трудный и неблагодарный путь. В моем, лирическом, восприятии мира нет ни иронической гримасы Ходасевичей, ни “любовной презрительности”, столь модной теперь. Моя простота никого не пленит, никого не отравит, а многим будет и скучна. Но что же делать? Ведь то, что я делаю, моя сущность» (запись от 8 сентября 1927 г.) (с. 41). Как видим, причина не в творческой несамостоятельности и уж точно не в личностной «ведомости». Хотя на этом вполне самостоятельном и осмысленном пути человеческий и творческий «маяк» Бунина будет для Г. Кузнецовой очень важным: «Пусть все изменит, все пройдет: / И прелесть этих слов влюбленных, / И томность этих рук сплетенных, – / Есть в мире неба синий свод, / Дороги белый поворот / И гроздь звезд меж елей темных...» (с. 379).

Художественная система Г. Кузнецовой как автора второго ряда эклектична: наследница логоцентризма русской классики и литературности Серебряного века, она, несомненно, находилась под сильным эстетическим влиянием Бунина (благодаря совпадению в главном – в представлении о мире, реальности как божественном космосе, чему нельзя научить и научиться), но вместе с тем и принадлежала к своему поколению, с его уже другим опытом и потребностью в письме как способе самопознания, собирания личности и освобождения от пережитого (заметьте, что об этом же и первые романы В. Набокова, Г. Газданова, Н. Берберовой), а также в создании из собственной жизни «человеческого документа» (здесь уместно вспомнить и статью Г. Кузнецовой о судьбе Марии Башкирцевой, опубликованную 12.01.1929). Стоит ли удивляться, что именно «Грасский дневник», собранный из конкретных дневниковых записей, как главная форма самопознания (а не автобиография, мемуар или воспоминания) станет итоговым произведением, в котором автор, во-первых, простроит константы сюжета самоидентификации (в противовес сюжету кризиса самоидентификации представителей «парижской ноты» – «голый человек на голой земле» – Б. Поплавского): природа как космос, божественная красота, любовь и творчество, искусство; а во-вторых, возьмет на себя миссию по созданию «памятника» истинному художнику – И. А. Бунину.

Список литературы

Анненкова Е. С. «Оставить в мире память о себе!»: Автобиографизм как творческая стратегия Галины Кузнецовой // Вестник Университета имени Альфреда Нобеля. 2020. № 1 (19). С. 122–130.

Беляева А. В. Творчество Г. Н. Кузнецовой: особенности поэтики: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 202 с.

Бицилли П. Г. Кузнецова. Пролог. [Рецензия] // Современные записки. Париж, 1933. № 53. С. 453–454.

Бжыкцы И. Картины Прованса в творчестве Галины Кузнецовой // Slavia Orientalis. 2018. Т. 67, № 4. Р. 631–645.

Бжыкцы И. Поэтический комплекс моря в поэзии Галины Кузнецовой // UWM Olsztyn. Acta Polono-Ruthenica. 2019. Т. 24/1. Р. 19–37.

Ван Инь. «Грасский дневник» Г. Н. Кузнецовой: проблема становления творческой личности: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2018. 155 с.

Витчак П. Поэзия Галины Кузнецовой в контексте творчества Ивана Бунина (тематический аспект) // *Acta Universitatis Lodziensis folia litteraria rossica*. 2019. № 12. P. 109–120.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Худож. лит., 1977. 450 с.

Демидова О. «Оставить в мире память о себе!» // Кузнецова Г. Пролог. СПб.: ИД «Мир», 2007. С. 3–24.

Демидова О. Вступительная статья // Кузнецова Г. Грасский дневник / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. О. Р. Демидовой. М.: АСТ, 2017. С. 5–23.

Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М.: Моск. рабочий, 1995. 410 с.

Кузнецова Г. Н. Пролог. СПб.: ИД «Мир», 2007. 327 с.

Мельников Н. Г. Г. Н. Кузнецова // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. М.: РАН; ИНИОН, 1997. С. 225–227.

Михайлова М. В. Творческие взаимоотношения Ивана Бунина и Галины Кузнецовой как конфликт молодости и старости // *Wielkie tematy kultury w literaturach slawianskich. Starosc*. Серия: *Slavica Wratislaviensia*. Wroclaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Wroclawskiego, 2016. Т. 12. С. 129–137.

Нина Берберова – Галина Кузнецова: переписка 1920-х – 1960-х годов / Подгот. текстов и коммент. И. З. Белобровцевой, О. Р. Демидовой; вступ. ст. О. Р. Демидовой. М.: ИМЛИ РАН, Изд-во Дмитрий Сечин, 2022. 272 с. (Библиотека «Литературного наследия». Вып. 9)

Ходасевич В. Г. Кузнецова. Пролог. [Рецензия] // *Возрождение*. Париж, 1933. № 2956, 6 июля. С. 3.

Witczak P. Wokół autobiograficzności powieści “Prolog” Galiny Kuzniecovej // *Slavia Orientalis*. 2018. Т. 67, № 4. S. 647–659.

References

Annenkova E. S. “Ostavit’ v mire pamyat’ o sebe!”: Avtobiografizm kak tvorcheskaya strategiya Galiny Kuznetsovoy [“Leave a memory of yourself in the world!”: Autobiography as a creative strategy of Galina Kuznetsova]. *Alfred Nobel University Journal of Philology*. 2020, no. 1 (19), pp. 122–130.

Belyayeva A. V. *Tvorchestvo G. N. Kuznetsovoy: osobennosti poetiki* [Creativity G. N. Kuznetsova: features of poetics]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2016, 202 p.

Bitsilli P. G. Kuznetsova. Prolog. Retenziya [G. Kuznetsova. Prologue. Review]. *Sovremennye zapiski*. Paris, 1933, no. 53, pp. 453–454.

Bzhyktsy I. Kartiny Provansa v tvorchestve Galiny Kuznetsovoy [Paintings of Provence in the works of Galina Kuznetsova]. *Slavia Orientalis*. 2018, vol. 67, no. 4, pp. 631–645.

Bzhyktsy I. Poeticheskiy kompleks morya v poezii Galiny Kuznetsovoy [Poetic complex of the sea in the poetry of Galina Kuznetsova]. *UWM Olsztyn. Acta Polono-Ruthenica*. 2019, 24/1, pp. 19–37.

Demidova O. “Ostavit’ v mire pamyat’ o sebe!” [“Leave a memory of yourself in the world!”]. In: Kuznetsova G. *Prolog* [Prologue]. St. Petersburg, Mir, 2007, pp. 3–24.

Demidova O. Vstupitel’naya stat’ya [Introductory article]. In: Kuznetsova G. *Grasskiy dnevnik* [Grasse diary]. O. R. Demidova (Prep. text, intro. article, comm.). St. Petersburg, Moscow, AST, 2017, pp. 5–23.

Ginzburg L. Ya. *O psikhologicheskoy proze* [On psychological prose]. Leningrad, Khudozh. lit., 1977, 450 p.

Khodasevich V. G. Kuznetsova. Prolog. Retsenziya [Kuznetsova. Prologue. Review]. *Vozrozhdenie*. Paris, 1933, no. 2956, July 6, p. 3.

Kuznetsova G. N. *Grasskiy dnevnik. Rasskazy. Olivkovyy sad* [Grasse diary. Stories. Olive Garden]. Moscow, Mosk. rabochiy, 1995, 410 p.

Kuznetsova G. N. *Prolog* [Prologue]. St. Petersburg, Mir, 2007, 327 p.

Mel'nikov N. G. *G. N. Kuznetsova* [G. N. Kuznetsova]. In: *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya: 1918–1940* [Literary encyclopedia of Russian abroad: 1918–1940]. Moscow, RAS, INION, 1997, pp. 225–227.

Mikhaylova M. V. *Tvorcheskiye vzaimootnosheniya Ivana Bunina i Galiny Kuznetsovoy kak konflikt molodosti i starosti* [Creative relationship between Ivan Bunin and Galina Kuznetsova as a conflict of youth and old age]. In: *Wielkie tematy kultury w literaturach slowianskich. Starosc*. Series Slavica Wratislaviensia. Wrocław, Wydawnictwa Uniwersytetu Wrocławskiego, 2016, vol. 12, pp. 129–137.

Nina Berberova – Galina Kuznetsova: Peregiska 1920-kh – 1960-kh godov [Nina Berberova – Galina Kuznetsova: Correspondence of the 1920s – 1960s]. I. Z. Belobrov'tseva, O. R. Demidova (Prep. text and comm.), O. P. Demidova (intro. art.). Moscow, Dmitry Sechin, 2022, 272 p. (Biblioteka "Literaturnogo nasledstva". [Library of "Literary Heritage"]. Iss. 9).

Van In'. "*Grasskiy dnevnik*" *G. N. Kuznetsovoy: problema stanovleniya tvorcheskoy lichnosti* ["Grasse Diary" of G. N. Kuznetsova: the problem of developing a creative personality]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, MSU, 2018, 155 p.

Vitchak P. *Poeziya Galiny Kuznetsovoy v kontekste tvorchestva Ivana Bunina (tematicheskiy aspekt)* [Poetry of Galina Kuznetsova in the context of the work of Ivan Bunin (thematic aspect)]. *Acta Universitatis Lodziensis folia litteraria rossica*. 2019, no. 12, pp. 109–120.

Witczak P. *Wokół autobiograficzności powieści "Prolog" Galiny Kuzniecovej*. *Slavia Orientalis*. 2018, vol. 67, no. 4, pp. 647–659.

Информация об авторе

Марина Альбертовна Хатямова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)
Scopus Author ID 57193680046

Information about the author

Marina A. Khatyamova, Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Russian Literature of the 20th–21st Centuries and Literary Creativity of National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57193680046

*Статья поступила в редакцию 09.06.2024;
одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.07.2024
The article was submitted on 09.06.2024;
approved after reviewing on 01.07.2024; accepted for publication on 01.07.2024*